

Индекс УДК 27:168

Код ГРНТИ 12.09.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-121-02-59-70

Д.С. КУРДЫБАЙЛО*

Слово Бога и Книга Природы в фокусе человеческого познания: предварительные замечания о периоде поздней Античности

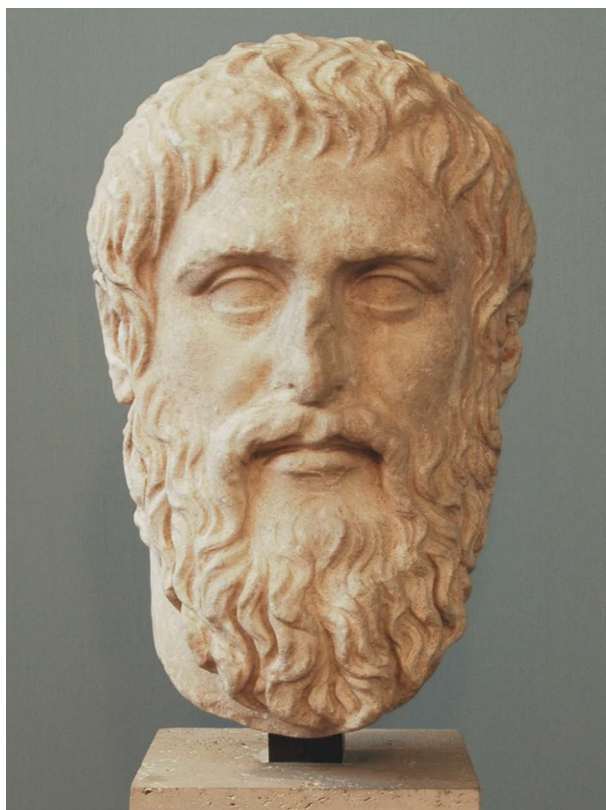
Проект посвящён разработке новой концепции истории науки, учитывающей роль теологического знания в становлении знания научного. Развитие естественных наук в высоком Средневековье и в последующие эпохи противопоставило метафорический образ «книги Природы» и Библии как книги Откровения. Однако сама эта пара понятий возникла ещё в поздней Античности, но в тот период она мыслилась в рамках не противопоставления, но взаимной дополнительности. Особого внимания заслуживает период III–IV вв. н.э., когда впервые происходит концептуализация «теологии» и «физики» в виде, близком к нашему современному пониманию. Если до этого времени «теологический» дискурс, как правило, ограничивался метафизической моделью той или иной философской школы, а «физический» — соответствующей моделью космологии, то теперь начинается поиск оснований для синтеза всего многообразия мифологического и естественно-научного опыта, собранного за период тысячелетнего развития эллинской культуры. Одним из таких оснований синтеза становится переосмысление роли материи и материальных предметов в их соотношении с умопостигаемым миром, что, в свою очередь, выводит на первый план понятие «символ». В статье показывается, как символический метод позволяет встроить сумму естественно-научных знаний в мировоззренческую модель теургического неоплатонизма и в христианскую философию Александрийской школы.

Ключевые слова: история науки, теология, физика, материя, символ, александрийское христианство, теургический неоплатонизм

Фундаментальный исследовательский проект «Слово Бога и Книга Природы в фокусе человеческого познания (взаимодействие христианской теологии и науки на разных исторических этапах)» выполнялся

в 2021–2022 гг. под руководством д.х.н. И.С. Дмитриева и при участии к.филос.н. Д.С. Курдыбайло (проект РФФИ 21-011-44078). Исследования по проекту были разделены на три тематических блока: а) взаимодействие теологических и науч-

* **Курдыбайло Дмитрий Сергеевич** — кандидат философских наук, доцент Института теологии СПбГУ, старший научный сотрудник РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), исполнитель проекта «Слово Бога и Книга Природы в фокусе человеческого познания (взаимодействие христианской теологии и науки на разных исторических этапах)» (21-011-44078).
E-mail: theoreo@ya.ru

Ил. 1. Платон

ных концепций в позднеантичной и раннесредневековой грекоязычной мысли; б) христианская теология как идейный ресурс и идеологический ограничитель науки раннего Нового времени, теологические корни понятия «закон природы»; в) взаимоотношения между христианской теологией и наукой века Просвещения.

Общая задача для всех тематических блоков — создание новой концепции развития науки, которая учитывала бы роль теологической компоненты этого развития. Новизна и актуальность такой постановки задачи определяются тем, что в современной литературе часто затрагивается тема соотношения науки и религии, причём, как правило, речь идёт о соотношении знания и веры, без детализированного анализа теологических концепций и теологической

аргументации¹. Традиционные подходы к изучению истории науки, как правило, сводят взаимодействие с теологическим дискурсом до отдельных эпизодов, имеющих характер противоречия или даже открытого конфликта (как часто репрезентируют вклад в истории науки Галилео Галилея, Николая Коперника, Джордано Бруно). В существе дела, однако, на протяжении исторического периода от Античности до эпохи Просвещения теологический дискурс не столько был противопоставлен научному, сколько являлся естественной интеллектуальной средой и носителем главных идейных контекстов, в которых развивалась научная мысль². Более того, противопоставление «Слова Бога» и «Книги Природы» возникает относительно поздно, на исходе Средних веков, хотя сама эта пара понятий была известна ещё в поздней античности.

Теология и физика в среднем платонизме

При этом отличие теологии от других видов знания рефлексировалось гораздо раньше. Ещё во II в. н.э. «Учебник платоновской философии» Алкиноя делит философию на теоретическую, практическую и диалектическую части, и первую из этих частей подразделяет на теологию, физику и математику³. При этом, однако, и «теология», и «физика» понимались вовсе не так, как это было очевидно во времена Галилея и тем более в наше время.

Главное основание для отличия «теологии» от «физики» заключалось в признании той картины мира, которая была сформирована Платоном (ил. 1) и его последователями в Академии. Видимый нами материальный мир, согласно платонической доктрине, имеет второстепенное значение, уступая во всём миру умопостигаемому,

¹ В значительной мере это продолжение исследовательских линий, заложенных в советской истории и философии науки [1, 2]. Любопытно отметить те же тенденции и в ставшем классическим труде Леонарда Ольшки [3].

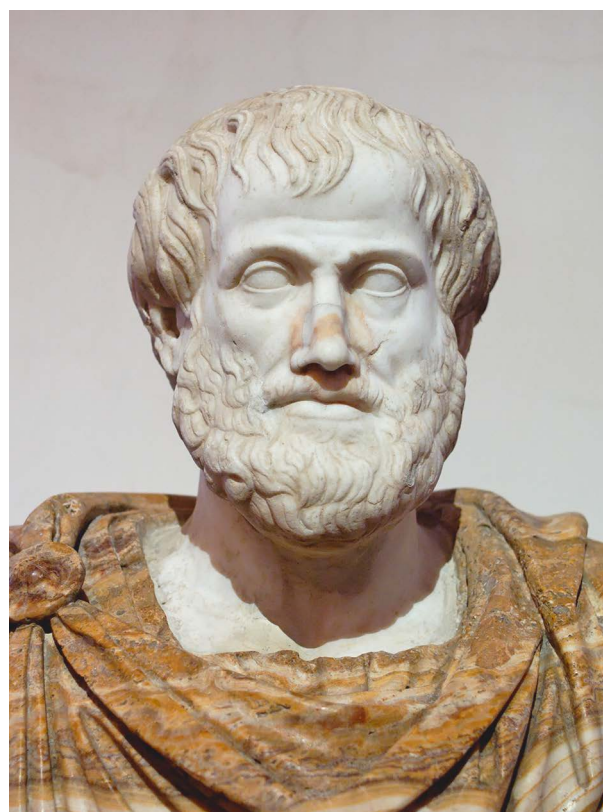
² Альтернативные интерпретации в отечественной науке стали появляться сравнительно недавно: ср. работы [4, 5], а также подготовленные в рамках данного проекта статьи [6–8].

³ Alcin. Epit. 3.1–4 [9], анализ этого места см. в [10, с. 18–20].

лежащему вне времени и пространства, неизменному, в высшей степени совершенному, обладающему абсолютной внутренней полнотой и заключающему в себе сущностное основание всего, что возникает и становится в материальном мире. А значит, область «теологии» соответствует учению об устройении умопостигаемого мира как такового, а «физика» — об устройении мира чувственного. При этом чувственный мир не обладает онтологической автономией, но, напротив, выступает как воплощение умопостигаемого, причём ограниченное, неполное и несовершенное. Таким образом, структура умопостигаемого мира задаёт структуру мира чувственного — и как целого, и каждого отдельного живого существа или предмета в отдельности.

Таким образом, платоническая «физика» (в отличие от «Физики» Аристотеля) (ил. 2) также не обладает автономией как отдельная отрасль знания: она обнаруживает себя как проекция «теологии» в материальном мире. При этом «теология» сама по себе — вполне автономная область знания, которая, по существу, даже не является наукой в строгом смысле слова, расширяясь до знания, имеющего священный, едва ли не религиозный статус. Примечательно, что различие областей философии, данное Алкином, задаёт их иерархическое соотношение: теология предшествует всем остальным областям философии, обосновывает их. Используя термин Платона, этот вид знания может быть назван *беспреломным*,¹ в отличие от других видов знания, которые получают свои базовые термины и аксиомы не от самих себя, но извне.²

Платоническая «физика» включает несколько важнейших разделов: это учение о создании космоса и человека Демиургом на основе текста «Тимея»³, учение

Ил. 2. Аристотель

об устройении космических сфер на основе видения Эра в «Государстве»⁴ и классификация живых существ, населяющих вещественный космос: наряду с людьми и животными это герои, даймоны и низшие боги (*Alcin. Epit.* 15–16). Небесные светила традиционно также мыслились одушевлёнными не только в платоновской традиции, но и далеко за её пределами, включая раннее христианство. К разделу «физики» Алкиной добавляет также то, что мы сейчас называем анатомией и физиологией человека.

Очевидно, что сумма знаний, накопленная античной мыслью к началу нашей эры, простиралась гораздо шире указанного выше перечня тем. Даже одного списка названий трактатов Аристотеля — от «Метеорологии» до «О хождении животных» — достаточно, чтобы убедиться в принци-

¹ Подробнее об этом понятии см. [11, с. 742–778].

² *Procl. in Eucl.* 30.21–32.2 [12].

³ *Plat. Tim.* 52d–89c; *Alcin. Epit.* 12.2–23.2.

⁴ *Plat. RP X* 616b–617e; *Alcin. Epit.* 14.4–7.

Ил. 3. Климент Александрийский

пиальной недостаточности рамок платонической классификации наук. И касается это не только естествознания и медицины, но и предваряющей их составляющей — теологической.

Как известно, одно из обвинений, предъявленных на суде над Сократом, заключалось в «безбожии» (*Xenoph.* Мем. 1). И хотя ни Сократ, ни Платон не были атеистами в современном смысле этого слова, всё же и в их учениях, как может показаться на первый взгляд, боги традиционной греческой религии не занимают по-настоящему значительного места. В среднем платонизме роль богов-олимпийцев со временем также становится менее заметной.¹ Однако чем более «теология» оформлялась в последовательную, иерархически упорядоченную метафизическую систему, тем более ощутимой становится дистанция между ней и массивом мифо-

логического наследия, сохраняющего свою актуальность в том числе и среди наиболее утончённых эллинистических мыслителей. Первые века нашей эры знаменуют усиливающийся интерес грекоязычных авторов к древнеегипетской культуре, а также их готовность изучать тексты Древнего Израиля, Сирии, Месопотамии и т.д.² То, что в наше время воспринимается как религиозный синкретизм, для I–III вв. н.э. было периодом перехода от метафизики как теоретического знания к метафизике как религиозной практике [14, с. 14–19]. Именно в этой перспективе она становится «теологией» в собственном смысле слова: это уже учение не столько об уровнях умопостигаемой иерархии, сколько о богах, эти уровни конституирующих.

Таким образом, если у Алкиноя «теология» и «физика» даны в узкоспециальном виде, ограничиваясь предметным полем платоновских диалогов, то в это же самое время назревает необходимость фундаментального расширения обоих понятий. «Физика» расширяется до полноты естественно-научного знания, аккумулировавшегося в перипатетической и стоической школах, с одной стороны, а «теология» — до полноты мифопоэтических построений средиземноморских и ближневосточных культур — с другой. И простым расширением платонической доктрины на новый предметный материал обойтись здесь было невозможно. Тот интеллектуальный поворот, который происходит во II–IV вв. н.э., знаменует важную историческую веху, начиная с которой теология и естественные науки вступают в диалогическое взаимодействие.

Эпоха «теургического поворота»

Практически одновременно, в течение III в. н.э. как в христианской, так и в языческой среде начинается включение этой

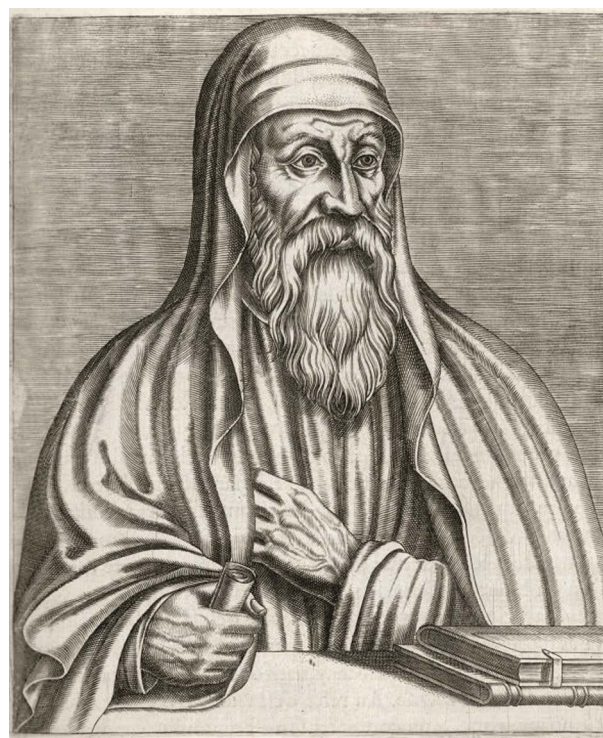
¹ Здесь имеет место и аллегорическое понимание богов, заимствованное из стоицизма (напр., у Антиоха из Аскалона), и преобладание интереса к богам негреческого происхождения (напр., у Плутарха), и стремление к сокращению числа первых божественных начал (напр., у Нумения из Апамеи и Плутарха).

² На примере Филона Александрийского можно видеть и встречное движение, когда в иудейской среде возникает глубокий интерес к эллинской культуре [13].

обширной суммы знаний в рамки базовых мировоззренческих моделей. Главными представителями этого направления в христианской традиции среди христиан оказываются главы Александрийского огласительного училища Климент (ил. 3) и Ориген (ил. 4), а среди язычников как в Афинах, так и в Александрии – основатель неоплатонизма Плотин (ил. 5) и его последователи.

Раньше других это стало заметно у христианских мыслителей, которые быстро раздвигают рамки преподавания вероучения, включая в них начала математики (геометрии и арифметики) и естественных наук (прежде всего, астрономии), учения о формах политического устройства общества, а также дисциплины, связанные с языком, речью, принципами аргументации и истолкования текстов¹. Наиболее примечательно, что несмотря на строгие убеждения, касающиеся Бога и его отношений с миром и человеком, Климент и Ориген тщательно изучают все языческие философские системы, известные в их время², утверждая, что их представители не обладали полнотой истины, но в то же время не были совершенно лишены истины и блага. Нацеленность на максимальное расширение горизонта знания в области философии в итоге приводит к тому, что александрийские мыслители, сохраняя приверженность библейской мысли, широко используют интеллектуальный инструментальный «внешних» философских учений, тем самым формируя то, что получает со временем название «христианской философии».

Можно наблюдать, как ярчайший представитель христианского платонизма Ориген использует стоическое учение о сменяющихся периодах времени, на которые

Ил. 4. Ориген

разделено сверхисторическое бытие Вселенной³; вместе со стоиками он признаёт материальность всего, что существует в космосе (делая исключение только для Бога)⁴; несмотря на острую критику гностицизма [19], довольно близок к гностической концепции предмирного отпадения умопостигаемых сил от Бога⁵ и т.д.

Иными словами, Ориген, сохраняя основные положения платонизма, в той мере, в которой он оказывается вынужден включать новые факты и области знания, для их соединения в стройную теоретическую систему добавляет вторичные метафизические принципы, заимствованные из других философских школ. Таким образом платонизм Оригена расширяется и дополняется.

Схожим образом происходит и формирование метафизической базы рожда-

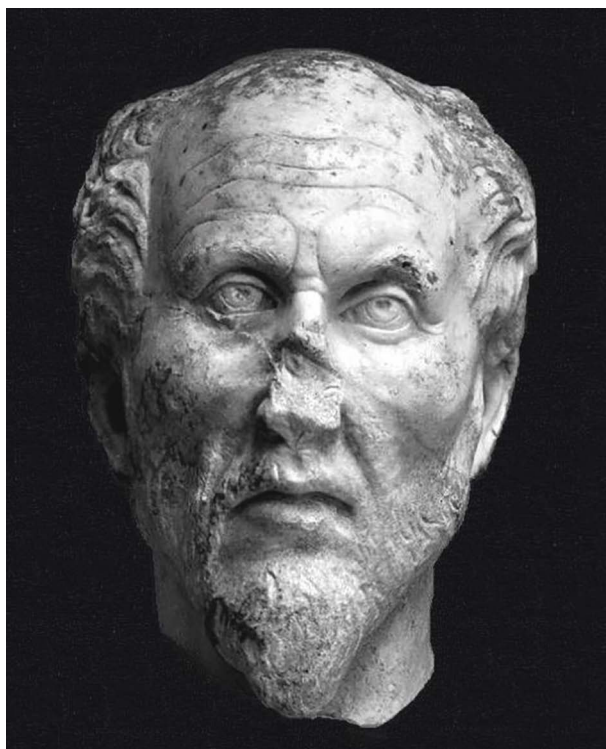
¹ Greg. Thaum. in Orig. paneg. 7.59–66; 7.85–8.27; 15.1–50 [15]; рус. перевод по изд. [16], § 102, 106–114, 174–182.

² За исключением только «произведений безбожников, которые все вместе, вышедши даже за пределы человеческого мышления, говорят, что нет Бога или промышления», то есть эпикурейцев (Greg. Thaum. in Orig. 13.7–17 = § 151–152).

³ SVF II 596–632; [17, с. 52–54].

⁴ SVF II 301–303 sqq; Orig. De princ. 1.6.4, 179–182 [18, p. 206].

⁵ Ср. формулировки в Orig. De princ. 2.3.1.

Ил. 5. Плотин

ющегося в это же время неоплатонизма. Плотин, хотя и претендует на строгое следование учению Платона, тем не менее не отказывается от возможности встроить в свою философию учение Аристотеля о потенции и энергии, пересматривает его систему категорий, развивает учение о материи, полемизирует со стоиками и гностами¹. Позднее Александрийская школа неоплатонизма практически целиком посвятит себя комментированию трактатов Аристотеля [10, с. 133–134]. Пристальное внимание к «Метафизике» Аристотеля обнаруживается и в Афинской школе в конце IV – начале V в.²

С другой стороны, и в христианском, и в языческом платонизме усиливается интерес к культовой практике и мистическому опыту. Климент Александрийский упо-

минает дивинацию как одну из наук, изучаемых язычниками наряду с геометрией и астрономией³. Немного позднее Ориген скажет, что «магия не во всех отношениях представляет собой пустое занятие; ...она, напротив, по свидетельству знатоков этого дела, есть точное и положительное [искусство], покоящееся на известных основах и правилах»⁴. И если эти слова могут быть поняты как касающиеся только язычников, то дальнейшее его рассуждение о силе имён Бога, которые обладают действенной силой, заключённой в их внешней, чисто фонетической форме, выявляет тот своеобразный «мистический реализм», который Ориген разделяет и сам [22]. То, что Ориген называет «магией», выходит, может рассматриваться и с христианской точки зрения [23].

В языческом неоплатонизме аналогичное стремление к «мистическому реализму» артикулируется в учении о теургии. Начиная с Ямвлиха философская деятельность как таковая приобретает новое понимание. Если для Плотина высшей целью жизни человека и главной целью его философии было достижение внутреннего единства человеческой души и умопостигаемого мира путём размышления и исследования себя (как чисто внутренне-созерцательная деятельность), то для Ямвлиха одних усилий человеческого ума уже недостаточно для достижения той же высшей цели. Теперь человек нуждается в помощи богов, и для того, чтобы эта помощь могла достичь материального мира и быть им воспринята, необходимы совершение определённых телесных действий и использование внешних материальных предметов. Без их посредства невозможно начать движение к умному миру — впрочем, в ходе дальнейшего совершенствова-

¹ Соответственно, трактаты Enn. 2.5, 6.1–3, 2.4, 2.7 и 2.9.

² До нас дошёл комментарий Сириана на «Метафизику», также известно, что Прокл комментировал логические трактаты Аристотеля; но из этих комментариев до нашего времени ничего не сохранилось. Ср. также роль аристотелизма в христианских догматических спорах VI в. [20].

³ Clem. Alex. Stromata 2.1.2.3.4–4.2.

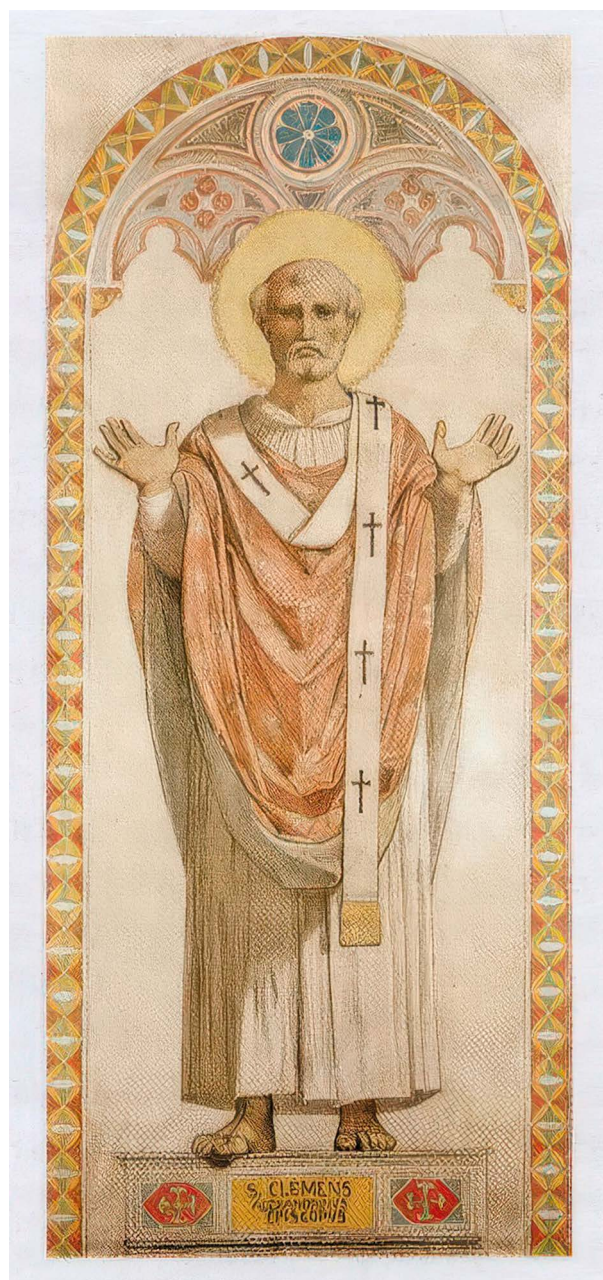
⁴ Orig. Contra Celsum 1.24.16–24; рус. перев. [21, с. 436].

ния необходимость в этом вещественном посредстве отпадает¹. Тем не менее философский метод Ямвлиха и всей последующей традиции неоплатонизма получает характеристику именно как теургического, и под теургией понимается синтез тончайше проработанной метафизической теории, изложенной в пространных трактатах, с системой культовых практик, точное содержание которых хранилось в строгом секрете. Более того, возможно, что это содержание, как и сам мистический опыт, считались принципиально невыразимыми вербально [25].

Материя и символ

Главная особенность, соединяющая христианскую и языческую линии мистического реализма III–V вв. н.э., заключается в существенном пересмотре роли первой материи и материальных предметов внутри метафизической парадигмы, декларирующей преемство платонической традиции. В самом деле, и христианские, и языческие платоники остаются верны учению о вторичности вещественного мира по отношению к умопостигаемому, и именно Плотин с наибольшей определённой утверждает, что первая материя – это чисто ничто, небытие, или «меон» (от греч. τὸ μὴ ὄν). Но при этом самые простые материальные предметы, окружающие человека, как выясняется, могут воздействовать не только физически, но и умопостигаемым образом, оказывая влияние на его ум и душу [24, р. 162–169; 26, 329–348].

Такое изменение онтологической оценки материальных предметов совпадает с усилением внимания к символическому способу восприятия действительности. Начиная с Климента Александрийского (ил. 6), сперва в христианской среде, а затем и в языческой само понятие «символ» (σύμβολον) становится самостоятельным термином²,

Ил. 6. Климент Александрийский

бытование которого связано с двумя контекстами: экзегетическим и культовым. Когда-то в древности бывшие связанными вместе в практиках мантики и прорицания, к началу нашей эры эти два типа расходятся. Экзегетические символы, прежде всего, обнаруживаются при истолковании авторитетных текстов: для Филона Алексан-

¹ Iambl. De myst. 5.18, а также анализ этого места в [24, р. 147–148]. Ср.: August. De civ. Dei 10.27.

² Значительную часть V книги «Стромат» Климент посвятил разнообразным примерам символов и символизма (Strom. 5.19.1–59.6).

дрийского, Климента, Оригена и их последователей это Библия, для неоплатоников — диалоги Платона, к которым со временем будут присоединены «Халдейские оракулы» и орфические сказания.

Экзегеза священного текста в этот период — не просто благочестивое занятие или теологическое упражнение. Один из учеников Оригена прямо утверждает, что если в ветхозаветную эпоху Бог обращался к людям через пророков, то теперь вместо пророков появились люди, подобные Оригену, обладающие божественным даром, позволяющим, во-первых, понимать смысл пророчеств и, во-вторых, изъяснять этот смысл словами, доступными для многих слушателей¹. Евсевий Кесарийский будет называть Христа божественным «Герменевтом», т.е. Истолкователем, открывающим людям волю и мысли Бога Отца². Таким образом, истолкование символического смысла Писания не только становится священной деятельностью, но и оказывается возможным только как божественный дар.

С другой стороны, символами называют предметы, используемые в совершении церковных Таинств (у христиан) и теургии (у язычников). Это предметы, которые также освящают человеческий ум и в которых обнаруживаются сокровенные смыслы, — только теперь не запечатлённые в тексте Писания, а присутствующие во всём материальном космосе. Плотин афористически описывает это обстоятельство так: «всё наполнено знаками; и кто из одного познаёт иное — тот мудрец».³ В отличие от Нового времени, для Плотина и его христианских современников «книга Природы» по своему содержанию едва ли не тождественна книге Откровения — и та, и другая содержат символическим образом данное сокровенное знание, возводящее созерцающего к умопостигаемому миру.

С этой точки зрения всякий отдельно взятый предмет может рассматриваться двояко: с одной стороны, он по самому факту его существования, образу и форме бытия соответствует своему умопостигаемому первообразу, «идее», или «эйдосу», как это понималось в школьном платонизме. С другой стороны, сверх этой очевидной оформленности предмет может нести на себе следы вторичного оформления, не обусловленного его сущностью и не обязательного с точки зрения его природы. В этом вторичном оформлении и обнаруживается символическое значение: оно не очевидно, его необходимо отыскивать, а затем, отыскав, расшифровать, т.е. совершить определённую герменевтическую процедуру. При этом и познание предметов в их природной данности, и постижение их символического смысла дают человеку знание, но знание это разного порядка, и оно оказывает на человеческий ум разного рода воздействие.

И этой целью вскрытия сокровенного символического смысла объясняется углубление в математические и естественно-научные вопросы в рамках чисто метафизических учений — особенно отчётливо это заметно в александрийском неоплатонизме, где даже такие трактаты Аристотеля, как «Об истолковании», «Категории» или «Первая аналитика», в ходе построения углублённого комментария вводятся в теургический контекст⁴. В более широком смысле естественные науки как целое начинают рассматриваться, во-первых, как источник знаний, необходимых для обнаружения символического пласта в окружающем человека мире, «наполненном знаками», а во-вторых, сами эти науки начинают рассматриваться с точки зрения символизма. В трудах Прокла Диадокха мы обнаруживаем, что даже самые абстрактные

¹ Greg. Thaum. in Orig. orat. 15.4–22 (рус. перев. § 174–176).

² Euseb. Caesar. De laud. Const. 4.2.1–3.

³ Plot. Enn. 2.3.7.12–13.

⁴ До нашего времени дошли комментарии Аммония Гермия к этим трём трактатам.

понятия геометрии и топологии — точка, континуум, дискретность и т.п. — находят точные соответствия в терминологии, описывающей умопостигаемый мир [27, с. 643–682], а сами эти пары понятий могут быть связаны между собой с помощью символического метода [28].

На этом этапе теологический и естественно-научный дискурсы оказываются соотнесены не в форме взаимной дополняемости, как это было в период классической Античности и среднего платонизма, и не в форме противопоставления, как это будет происходить в позднем Средневеко-

вье и затем в Новое время. Обсуждаемый период поздней Античности связывает эти два типа дискурса, основываясь на усиливающейся роли материи в метафизических концепциях и развитием учении о символе, позволяющем видеть теологически значимые содержания практически в любых видах знания — вплоть до, казалось бы, самых «приземлённых» и «прагматичных». «Слово Бога» и «Книга Природы» в этой парадигме не только не создают конфликтного напряжения между собой, но более того, являют высокую степень взаимной близости и согласованности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Традиции и революции в истории науки / Под ред. П.П. Гайдено. М.: Наука, 1991.
2. Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988.
3. Ольшки Л. История научной литературы на новых языках / Пер. с нем. Т. 1–2. М., Л.: Гос. тех.-теор. изд-во, 1933–1934.
4. Катасонов В.Н. Христианская теология и принцип инерции в физике // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 3. С. 352–375.
5. Храмов А.В. «Тварь покорилась суете не добровольно»: Дискуссия о влиянии грехопадения на живую природу в свете развития палеонтологического знания // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 3. С. 376–397.
6. Дмитриев И.С. Бог-Пантократор и Бог-Координатор: статус чуда в эпоху научной революции раннего Нового времени // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 4. С. 116–137.
7. Дмитриев И.С. «Прикосновение холодной философии» (теологический фактор научной революции раннего Нового времени) // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 2. С. 28–49.
8. Дмитриев И.С. Теологические ипостаси натуральной философии в эпоху Просвещения // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 2. С. 40–60.
9. Albinos. Épitomé / Éd. P. Louis. Paris: Les Belles Lettres, 1945.
10. Курдыбайло Д.С. Куррикулум для теурга. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.
11. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон. М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2000.
12. Procli Diadochi in primum Euclidis elementorum librum commentarii / Ed. G. Friedlein. Leipzig: Teubner, 1873.
13. Светлов Р.В. Рациональная теология: казус Филона Александрийского // Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 1. С. 65–74.
14. Светлов Р.В. Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1996.
15. Grégoire le Thaumaturge. Remerciement à Origène suivi de la lettre d'Origène à Grégoire / Éd. H. Crouzel (Sources chrétiennes 148). Paris: Cerf, 1969.
16. Творения святого Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского / Пер. Н. Сагарда. Петербург: типогр. М. Меркушева, 1916.

17. Серёгин А.В. Трактат Оригена «О началах» // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 44–55.
18. Origène. Traité des principes, t. 1 / Éd. H. Crouzel, M. Simonetti (Sources chrétiennes 252). Paris: Cerf, 1978.
19. Кулиев О.И. Полемика Оригена с Гераклеоном // Начало: журнал Института богословия и философии. 2013. Т. 27. С. 68–83.
20. Шукин Т.А. Человечество как инструмент Слова: начало монофелитских споров и интерпретации Аристотеля в VI веке // Вопросы теологии. 2024. Т. 6. № 2. С. 213–228.
21. Ориген. О началах. Против Цельса / Пер. Л. Писарев. СПб.: Библиополис, 2008.
22. Курдыбайло Д.С. О природе имени и именования у Оригена и Ямвлиха // Наука как общественное благо: Сборник научных статей. Т. 4 / Ред. и сост. Л.В. Шиповалова, И.Т. Касавин. М.: Русское общество истории и философии науки, 2020. С. 147–152. <http://rshps.ru/books/congress2020t4.pdf>.
23. Приходько М.А. Разграничение магии и религии в трактате Оригена «Против Цельса» // Vir hermeneuticus: Сборник статей к 60-летию профессора Р.В. Светлова / под ред. Л.Е. Артамошкиной, И.Г. Гурьянова, Д.С. Курдыбайло, А.А. Сеницына. СПб.: МОО «Платоновское философское общество», Изд-во РХГА, 2024. С. 179–193.
24. Shaw G. Theurgy and the Soul: The Neoplatonism of Iamblichus. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1995.
25. Poster C. Silence as a rhetorical strategy in Neoplatonic mysticism // Mystics Quarterly. 1998. Vol. 24 (2). Pp. 48–73.
26. Тахо-Годи А.А. Термин «символ» в древнегреческой литературе // А.А. Тахо-Годи, А.Ф. Лосев. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: Алетейя, 1999. С. 329–361.
27. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 8: Итоги тысячелетнего развития. Кн. I. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000.
28. Kurdybaylo D. Proclus on Indivisible and Continuous: Aristotelian Physics vs Platonic Theology // Platonic Investigations. 2022. Vol. 17 (2). Pp. 89–100.

The Word of God and the Book of Nature in the Focus of Human Knowledge: Preliminary Remarks on Late Antiquity

Dmitry Sergeevich Kurdybaylo — Candidate of Science (Philosophy), associate professor of the Institute of Theology of St. Petersburg State University, senior researcher of the Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg), executor of the project "The Word of God and the Book of Nature in the Focus of Human Knowledge (the relations of Christian theology and science at different historical periods)" (21-011-44078).

E-mail: theoreo@ya.ru

The project is dedicated to the development of a new concept of the history of science, that would account for the role of theological knowledge in the development of scientific knowledge. The development of natural sciences in the High Middle Ages and in following eras contrasted the metaphorical image of the "Book of Nature" and the Bible as a book of Revelation. However, this pair of concepts emerged in late Antiquity; but at that time it was not contradicting, but complementing each other. The 3rd–4th centuries AD deserve special attention, as the notions of "theology" and "physics" in a form close to the modern understanding first occurred. Until this time, the "theological" discourse was mainly limited to the metaphysical model of one or another philosophical school, and the "physical" one – to the corresponding model of cosmology, whereas now the search begins for the basis for the synthesis of the entire diversity of mythological and natural scientific experience collected over the period of the thousand-year development of Hellenic culture. One of the bases of synthesis is rethinking of the role of matter and

material objects in their relationship with the intelligible world, which, in turn, brings out the notion of “symbol”. The article demonstrates how the symbolic method allows to integrate the cumulative natural scientific knowledge into the worldview model of theurgic Neoplatonism and into the Christian philosophy of the Alexandrian school.

Keywords: history of science, theology, physics, matter, symbol, Alexandrian Christianity, theurgic Neoplatonism

REFERENCES

1. Traditsii i revolyutsii v istorii nauki / Pod red. P.P. Gaidenko. M.: Nauka, 1991 (in Russian).
2. Mikulinskii S.R. Ocherki razvitiya istoriko-nauchnoi mysli. M.: Nauka, 1988 (in Russian).
3. Ol'shki L. Istoriya nauchnoi literatury na novykh yazykakh / Per. s nem. T. 1–2. M., L.: Gos. tekhn.-teor. izd-vo, 1933–1934 (in Russian).
4. Katasonov V.N. Khristianskaya teologiya i printsip inertsii v fizike // Voprosy teologii. 2022. T. 4. № 3. S. 352–375 (in Russian).
5. Khramov A.V. «Tvar' pokorilas' suete ne dobrovol'no»: Diskussiya o vliyani grekhopadeniya na zhivuyu prirodu v svete razvitiya paleontologicheskogo znaniya // Voprosy teologii. 2022. T. 4. № 3. S. 376–397 (in Russian).
6. Dmitriev I.S. Bog-Pantokrator i Bog-Koordinator: status chuda v epokhu nauchnoi revolyutsii rannego Novogo vremeni // Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2021. T. 5. № 4. S. 116–137 (in Russian).
7. Dmitriev I.S. «Prikosnovenie kholodnoi filosofii» (teologicheskii faktor nauchnoi revolyutsii rannego Novogo vremeni) // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2022. T. 13. № 2. S. 28–49 (in Russian).
8. Dmitriev I.S. Teologicheskie ipostasi natural'noi filosofii v epokhu Prosveshcheniya // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2023. T. 14. № 2. S. 40–60 (in Russian).
9. Albinos. Épitomé / Éd. P. Louis. Paris: Les Belles Lettres, 1945.
10. Kurdybailo D.S. Kurrikulum dlya teurga. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2024 (in Russian).
11. Losev A.F. Istoriya antichnoi estetiki. T. 2. Sofisty. Sokrat. Platon. M.: Izd-vo AST; Khar'kov: Folio, 2000 (in Russian).
12. Procli Diadochi in primum Euclidis elementorum librum commentarii / Ed. G. Friedlein. Leipzig: Teubner, 1873.
13. Svetlov R.V. Ratsional'naya teologiya: kazus Filona Aleksandriiskogo // Voprosy teologii. 2020. T. 2. № 1. S. 65–74 (in Russian).
14. Svetlov R.V. Antichnyi neoplatonizm i aleksandriiskaya ekzegetika. SPb.: Izd. S.-Peterburgskogo un-ta, 1996 (in Russian).
15. Grégoire le Thaumaturge. Remerciement à Origène suivi de la lettre d'Origène à Grégoire / Éd. H. Crouzel (Sources chrétiennes 148). Paris: Cerf, 1969.
16. Tvoreniya svyatogo Grigoriya Chudotvortsya, episkopa Neokesariiskogo / Per. N. Sagarda. Petrograd: tipogr. M. Merkusheva, 1916 (in Russian).
17. Seryogin A.V. Traktat Origena «O nachalakh» // Filosofskii zhurnal. 2015. T. 8. № 2. S. 44–55 (in Russian).
18. Origène. Traité des principes, t. 1 / Éd. H. Crouzel, M. Simonetti (Sources chrétiennes 252). Paris: Cerf, 1978.
19. Kuliev O.I. Polemika Origena s Gerakleonom // Nachalo: zhurnal Instituta bogosloviya i filosofii. 2013. T. 27. S. 68–83 (in Russian).

20. Shchukin T.A. Chelovechestvo kak instrument Slova: nachalo monofelitskikh sporov i interpretatsii Aristotelya v VI veke // Voprosy teologii. 2024. T. 6. № 2. S. 213–228 (in Russian).
21. Origen. O nachalakh. Protiv Tsel'sa / Per. L. Pisarev. SPb.: Bibliopolis, 2008 (in Russian).
22. Kurdybailo D.S. O prirode imeni i imenovaniya u Origena i Yamvlikha // Nauka kak obshchestvennoe blago: Sbornik nauchnykh statei. T. 4 / Red. i sost. L.V. Shipovalova, I.T. Kasavin. M.: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki, 2020. S. 147–152. <http://rshps.ru/books/congress2020t4.pdf> (in Russian).
23. Prikhod'ko M.A. Razgranichenie magii i religii v traktate Origena «Protiv Tsel'sa» // Vir hermeneuticus: Sbornik statei k 60-letiyu professora R.V. Svetlova / pod red. L.E. Artamoshkinoi, I.G. Gur'yanova, D.S. Kurdybailo, A.A. Sinitsyna. SPb.: MOO «Platonovskoe filosofskoe obshchestvo», Izd-vo RKHGA, 2024. S. 179–193 (in Russian).
24. Shaw G. Theurgy and the Soul: The Neoplatonism of Iamblichus. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1995 (in Russian).
25. Poster C. Silence as a rhetorical strategy in Neoplatonic mysticism // Mystics Quarterly. 1998. Vol. 24 (2). Pp. 48–73.
26. Takho-Godi A.A. Termin «simvol» v drevnegrecheskoi literature // A.A. Takho-Godi, A.F. Losev. Grecheskaya kul'tura v mifakh, simvolakh i terminakh. SPb.: Aleteiya, 1999. S. 329–361 (in Russian).
27. Losev A.F. Istoriya antichnoi estetiki. T. 8: Itogi tysyacheletnego razvitiya. Kn. I. M.: AST; Khar'kov: Folio, 2000 (in Russian).
28. Kurdybaylo D. Proclus on Indivisible and Continuous: Aristotelian Physics vs Platonic Theology // Platonic Investigations. 2022. Vol. 17 (2). Pp. 89–100.